

В.В. Блажес

ИМЯ ПОКОРИТЕЛЯ СИБИРИ В СВЕТЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ФАКТОВ

Историография Ермака весьма солидна, о нем писали, по выражению И.Тыжнова, «генералы науки и ее рядовые». Автору статьи тоже приходилось тезисно писать об имени Ермака¹. Хотелось бы высказать ряд соображений, привлекая фольклорные материалы и «Сказание о происхождении Ермака».

«Сказание о происхождении Ермака» было создано в 30–40 гг. XVII в. неизвестным книжником². Так как проверить истинность сведений, передаваемых этим произведением, невозможно из-за отсутствия каких-либо документов о происхождении, детстве, юности, подлинном имени покорителя Сибири, то все авторы, касаясь «Сказания», либо отвергали его сведения как «сказочные», либо принимали их на веру. Перед нами единственный источник, восходящий к XVII в. и именующий покорителя Сибири Василием Тимофеевичем Алениным. Забегая несколько вперед, следует сказать, что в первые десятилетия XVII в. покорителю Сибири давалось по крайней мере 6–7 имен (ниже мы остановимся на этом подробнее). Поэтому автор «Сказания» не столько рассказывает о происхождении Ермака, сколько доказывает истинность своих сведений: так велико, видимо, было его стремление внести ясность, конкретность в существовавший разноречивый в наименовании покорителя Сибири. И использует он те способы доказательства, что были в его распоряжении.

Во-первых, он объявляет, что Ермак «сам известие написал, откуда рождение его»³. Это, пожалуй, самый главный аргумент автора. И он убеждал читателя XVII – частично XVIII в., судя по тому, что текст «Сказания» как достоверный включался в разные источники. Но уже в XVIII в. и позже читатели усматривали явное противоречие в сообщениях «Сказания»: утверждая, что Ермак сам написал о своем происхождении, автор давал описание такой бедности и даже нищеты всей «породы» Ермака, что мало кто из историков верил в то, что герой, выросший в такой обстановке, имел возможность стать грамотным. «Ничем не доказывается, чтобы Ермак был даже грамотный человек», («это – сказка, думаю»; это «темное предание» – подобные замечания о «Сказании» высказывались неоднократно⁴.

¹ См.: Блажес В.В. О наименовании покорителя Сибири в исторической литературе // Наш край: Материалы V Свердловской областной краеведческой конференции. Свердловск, 1971. С. 247–250.

² «Сказание» было включено в рукописный сборник XVII в. (на это обратил внимание Г.Н. Спасский), затем – в «Сказание Сибирской земли» (текст XVIII в., найден А. Дмитриевым). И.Л. Черепанов также внес «Сказание» в свою рукопись «без искажения или произвольного толкования». См.: Андреев А.И. «Черепановская летопись» // Исторические записки. М., 1942. Т. 13. С. 322. О стилистической сниженности «Сказания», принадлежности его к демократической литературе XVII в. см.: Фоменко Ю.В. Язык сибирских летописей XVII века: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1962. С. 13–17 и далее.

³ Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 505

⁴ См., например: Письмо Г.А. Розенкампа из С-Петербурга к графу К. Замоискому в Варшаву // Москвитин. 1852. [8], авг., кн. 2. С. 424; Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1821. Т. 9. С. 341; Иловайский Д.И. Ермак и покорение Сибири // Русский вестник. 1889. Т. 163, сентябрь. С. 11. Разумеется, защитники документальности «Сказания» предпочитают не замечать указанного противоречия в его сообщениях – см., например: Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962. С. 89–90. Современные историки также считают сомнительным утверждение, что Ермак сам написал собственную родословную – см., например: Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 173.

Рассуждали исследователи вполне логично: мог ли Ермак сам составлять свою родословную, занимаясь грабежами и разбоями на Волге и затем спасаясь от грозного царского указа? Мог ли он сделать это в Сибири, в походных условиях: разве он предвидел свою скорую гибель, громадный общественный резонанс сибирского похода и всеобщий интерес к своей личности.

Перечисляя родственников Ермака, называя места их жительства, автор подчеркивает, что «его дед... жил в великой скудности и искал своей нищете перемены, старался сыскать пропитание... кормился извозом», отец с братом тоже «от скудности искали себе лучшего пропитания»¹. Этот акцент на «нищете» деда, отца, других родственников героя сделан, конечно, не случайно. Дело в том, что в первоначальных преданиях, существовавших задолго до обращения Киприана к казакам с просьбой составить «списки» боев Ермака, главный герой имел подчеркнуто бедное детство, отрочество, трудовую юность, в этих преданиях Ермак был «простым посадским человеком, имевшим вместе с отцом один топор на двоих»². И надо полагать, что к 30–40 гг. XVII в., когда создавалось «Сказание о происхождении Ермака», уже существовала в фольклоре вполне оформившаяся биография покорителя Сибири, была уже фольклорная традиция в обрисовке всей жизни героя, и автор «Сказания» находится в русле именно этой традиции, когда живописует бедственное положение «породы» Ермака. Можно даже сказать, что автор «Сказания» дает Ермаку характеристику, идентичную фольклорной. Для нас сейчас это – свидетельство фольклоризма «Сказания», для читателей, слушателей XVII в. – свидетельство объективности автора, которому можно верить. (Очевидно, к этому и стремился автор.)

Для убеждения читателя приводится и предание о Ермаке-кашеваре: Ермак, «еще когда находился в работе на судах» Строгановых, «за оказанные услуги при варении артельной каши» был прозван так, ибо «ермак по их назывался дорожной артельной таган, либо по вольскому наречию таюке ермаком называется жерновой ручной камень»³. Н.М. Карамзин по поводу рассматриваемого сказания писал: «Это – сказка, думаю». То есть историк справедливо считал, что «Сказание» является произведением, сотканным из сведений фольклорного характера. Поэтому использовать их нужно критически. Однако полное отсутствие документальных данных о происхождении Ермака заставляло почти всех без исключения авторов XIX в. пересказывать одну из народных «сказок» первых десятилетий XVII столетия. Одни это делали с оговорками, другие – чаще – без оговорок. И получилось так, что к концу XIX в. ее пересказали в центральной и провинциальной печати, переложили в массовых изданиях (в журналах для школьных библиотек, специальных брошюрах для солдат и т.д.) сотни и сотни раз. Она настолько прочно вошла в научную и учебную литературу, что появились защитники истинности ее сообщений (главным образом в лице А. Дмитриева – в XIX в. и в лице А.А. Введенского – в XX в.). В конце XIX в. была даже дискуссия, участники которой пытались установить подлинное имя покорителя Сибири.

Фольклоризм «Сказания о происхождении Ермака» и вопрос об имени покорителя Сибири тесно связаны. Поэтому мы вынуждены обратиться к упомянутой дискуссии. Итоги ее подвел Е. Кузнецов; оказалось, что покорителю Сибири в разное время и разными авторами давалось семь имен: *Ермак, Ермил, Еремей, Василий, Тимофей, Герман, Ермолай*⁴.

¹ Черепановская летопись // Рук. отд. РНБ, ф. 4, д. 324, л. 1.

² См. об этом: *Дергачева-Скоп Е.И.* Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965. С. 116–117.

³ Черепановская летопись. Л. 10б.

⁴ См.: *Кузнецов Е.* Сказания и догадки о христианском имени Ермака. Тобольск, 1890. С. 5.

Позднее в рамках этой дискуссии были и другие публикации, но они ничего нового не добавили к ранее высказанным доводам в пользу того или иного имени¹. Многие историки пытались найти архивные материалы, безусловно подтверждающие, что Ермак – это Ермолай, Василий... К сожалению, никому это не удалось. Ситуация тупиковая: все исследователи правы понемногу и в то же время неправы.

Еще в XVIII в. было замечено, что в народной речи имена *Ермак* и *Ермолай* иногда взаимозаменяются², что *Ермолай* «по просторечию – Ермак» (выражение А.Н. Радищева). Позже, в XIX в., Н. Енгальчев писал об этом очень точно: «Ермак в устах народа то же самое, что и Ермолай, что доселе можно слышать в русских деревнях, например, в Тамбовской губернии»³. В Словаре личных имен под ред. С.П. Левченко – работе советского времени – также значится: «Ермолай, реже Ермак»⁴.

Подобные факты – а их число можно увеличить примерами из статей «сторонников Ермолая» – довольно красноречивы, но мало что доказывают, хотя бы потому, что в устах народа *Ермак* не только *Ермолай*, но и *Гермоген*⁵, и *Еремей*⁶. П.Н. Буцинский обратил внимание историков на народные исторические песни, где герой, как известно, называется не только *Ермаком*, *Ермолаем*, но и *Ермилом*. Таким образом, получается ряд имен: *Ермак* – *Ермолай* – *Гермоген* – *Еремей* – *Ермил*. Практика употребления их в разных районах России заставляет считать пары *Ермак* – *Ермолай*, *Ермак* – *Еремей*, *Ермак* – *Гермоген*, *Ермак* – *Ермил* антропонимическими синонимами. Народ употреблял эти имена как синонимы скорее всего потому, что их первая часть, несущая, как известно, всегда основную информацию, одинакова: *ерм-* (*Гермоген* в просторечии – *Ермоген*). И думается, нельзя утверждать, что покоритель Сибири был Ермилом или Ермолаем, на основании только синонимичности указанных имен. Между тем многие авторы начиная с Г.Ф. Миллера (точнее, с С.У. Ремезова) так и поступили. Получилась путаница. Чтобы как-то из нее выбраться, некоторые авторы стали давать Ермаку одно имя – явное, второе – тайное, третье – прозвищное (точка зрения К. Кузнецова) и утверждать, что «по-настоящему» покорителя Сибири звали *Ермолай* – *Василий* – *Ермак*. Итак, разноречие в наименовании покорителя Сибири историками оказался возможным потому, что они опирались на народную интерпретацию имени *Ермак* и на фольклорные произведения (главным образом – на исторические песни). Естественно возникает вопрос: почему же народ давал покорителю Сибири разные имена?

Ответ на этот вопрос не может быть кратким. Прежде всего следует остановиться на нескольких обстоятельствах. Во-первых, слово *ермак*, как свидетельствует одно из произведений первой половины XVII в., означало в то время «дорожный артельный таган» и «жерновой мельниц ручной»⁷. В словаре В.И. Даля это слово отмечено как просторечное со значением «малый жернов для ручных крестьянских мельниц». Этимологические словари дают еще ряд значений, близких к указанным. Во-вторых, надо сказать о том, что в XVI–XVII вв. слово *ермак* было прозвищем. Так, Т.Н. Кондратьева склонна

¹ См. например: Оглоблин И. К вопросу о христианском имени Ермака // Библиограф. 1894. Вып. I. С. 23–26; Воронихин А. К биографии Ермака // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 99–100.

² Г.Ф. Миллер первый отметил это – см.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 212.

³ Цит. по: Кузнецов Е. Указ. соч. С. 9.

⁴ См.: Словник власних имен людей. Киев, 1949. С. 49.

⁵ В Устьянском говоре Северодвинского округа по списку, составленному М. Романовым, «имя Ермака означает Гермогена и Ермолая», см. об этом: Чернышев В.И. Несколько замечаний об украинских и русских именах // Мовознавство. 1948. Т. 6. С. 72.

⁶ Пуцилло Н. К вопросу, кто был Ермак Тимофеев, покоритель Сибири // Русский вестник. 1881. Т. 156, ноябрь. С. 228.

⁷ См. об этом: Дмитриев А. Пермская старина. Вып. 5. Пермь, 1894. С. 139.

предполагать, что «в XVI–XVII вв. *ермаками* назывались: 1) землепроходцы, люди смелые и отважные; 2) бедняки, разоренные и измученные нищетой и бесправием, но не покоренные, вольные, артельные люди; 3) инициаторы какого-либо общего дела... В конце XVI–XVII вв. *ермаками* звались целовальники...»¹. Далее исследовательница справедливо отметила нарицательность имени *Ермак*, зафиксированную еще В.И. Немировичем-Данченко: «У нас Ермака не было, – говорил В.И. Немировичу-Данченко один уралец. – Ермачки были... Ермак – он выше прошел... Он чужой нам совсем. У нас свои Ермачки... А тоже всякую чужь воевали. По разным тайнкам да падам чужь всякая жила, ну, наши Ермачки ее и воевали... Это, брат, все тут кровью полито... Ермачки ушли дальше, а по следу отцы наши и деды появились сюда. Сколько же было Ермачков? Разных много... Все это после Ермака настоящего было»². Любопытный рассказ пришлось мне услышать в Верхнесалдинском районе Свердловской области во время фольклорной экспедиции. Спросил у старушки, знает ли она Ермака, в надежде услышать что-нибудь о покорителе Сибири, а услышал следующее: «Знаю, был у нас в деревне мужик, Ефим Трифонович звали. Рисковый был мужик, царство ему небесное. Не шибко и любили его – дерзкий он был и пакостливый: коней, коров воровывал. Ведь что? Возьмет корову в лапти обует и уведет, следа не оставит. Раньше народ простой, доверчивый был – замков не вешали. По имени его никто не звал, а по прозвищу: Ермак Трифонович, а то просто – Ермак»³. Совершенно очевидно, что на Урале имя *Ермак* было также нарицательным и им называли не только смелых и отважных инициаторов какого-то общего дела, но и людей дерзких, «пакостливых», «рисковых», совершавших неблагоприятные дела местного, деревенского масштаба.

Проще всего было бы сейчас перейти к утверждению, что покоритель Сибири как предводитель казаков, как человек, «измученный нищетой и бесправием, но не покоренный, вольный», носил прозвище *Ермак*. Именно по этому пути пошла Т.Н. Кондратьева, впрочем, как и историки XIX в.: Н.М. Карамзин, Н. Пуцилло, А. Дмитриев и др. Но ведь есть факты и другого порядка. А. Никитский, например, обратил внимание на то, что в новгородских переписных книгах XV–XVI вв. значатся десятки Ермаков⁴, другой автор XIX в. склонен был утверждать, что *Ермак* – имя, которое «было частью древненовгородской жизни», затем «спустилось по Северной Двине, Вятке и Волге на Дон», причем оно «могло быть занесено в эту окраину (т.е. на Дон. – В.Б.) не как нарицательное, а как имя собственное»⁵. Если возьмем Приуралье, то уже в Писцовой книге И. Яхонтова 1579 г. значится *Ермак Зырян* и *Ермак Михайлов*⁶, по Писцовой книге М. Кайсарова 1623–1624 гг. – три *Ермака: Федоров, Ондреев, Тимофеев* (про последнего сказано так: «Пуст дом Ермачка Тимофеева, сошел он безвесно»⁷); в Переписной книге П. Елизарова 1647 г. отмечены «бобыль Ермачко» и «Федка Спиридонов, у него сын Ермачко»⁸. Все эти Ермаки жили в бывшем Чердынском уезде. Жили люди с таким именем и во владениях Строга-

¹ Кондратьева Т.Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967. С. 25. Можно еще добавить, что *ермаками* назывались не только целовальники, но и «фабричные кулачные бойцы» – см.: Русские народные картинки / Собрал и описал Д.А. Ровинский. СПб., 1895. Т. 4. С. 82.

² Кондратьева Т.Н. Указ. соч. С. 22.

³ Записано от П.П. Малыгиной, 88 лет, д. Малыгина Верхнесалд. р-на летом 1966 г. Хранится в фольклорном архиве каф. фольклора и древней литературы Урал.о гос. ун-та им. А.М. Горького.

⁴ См.: Никитский А. Заметка о происхождении имени Ермак // Журн. Министерства народного просвещения. 1882. [5], май. С. 135–138.

⁵ Ознобишин Е. По поводу слова «казак» // Казачий вестник. 1883. № 32.

⁶ Рук. отд. РГБ, ф. 256, д. 308, л. 1, 46.

⁷ Там же, л. 107, 110, 133.

⁸ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 351, л. 52, 231.

новых: в деловых бумагах 1583 г. названы *Ермак Морок* и *Ермак Езовицк*¹; были *Ермаки* и на Среднем Урале во второй половине XVII в.²; известно, что в конце XVI в. одним из отрядов русской армии под Могиловом командовал некий *Ермак Тимофеевич*, а в 1628–1629 гг. на Енисее с 50 казаками был *Ермак Остафьев*; наконец, отметим, что в свое время даже в отряде Ермака «два казака были ему тезками»³. Если одни исследователи полагают, что *Ермак* – прозвище в XVI–XVII вв., то другие утверждают, что это имя⁴.

Практика употребления именования *Ермак* в официальных документах заставляет полагать, что перед нами скорей всего имя, но не христианское – его нет в святцах, а «мирское», еще, вероятно, сохранившее в XVI–XVII вв. «аромат» прозвища, но все-таки часто употреблявшееся народом как имя; позже, в XVIII–XIX вв. права гражданства за этим именем закрепились настолько, что оно было даже внесено в Славянский именослов⁵. Нет ничего невероятного в том, что слово *ермак* в XVI–XVII вв. и позже употреблялось в некоторых районах России (на Волге, например) для обозначения предметов (таган, малый жернов) и в то же время служило прозвищем и было мирским именем. По крайней мере, факты, приведенные выше, заставляют сделать такой вывод. Кроме того, следует обратить внимание на то, что люди, лично знавшие покорителя Сибири, называют его в официальных документах уважительно: *Ермак Тимофеевич*. Так он назван в «Написании», составленном казаками, служившими вместе с Ермаком и поданном в 1662 г. тобольскому архиепископу Киприану Старорусенкову; под этим именем он был занесен в Синодик, который включил Савва Есипов в свою летопись; *Ермаком* называли своего атамана в челобитной два других казака, служившие с ним «в поле» много лет⁶. Под этим именем он был известен в вотчинах Строгановых в конце 70-х – начале 80-х гг. XVI в., судя по «опальной» грамоте от 16 ноября 1582 г. Максиму Яковлевичу и Никите Григорьевичу Строгановым. Это известные документы, и они позволяют без натяжек утверждать, что в казачьей среде в 70–80 гг. XVI в. и позже – в первые три десятилетия XVII в. – среди казаков, лично знавших покорителя Сибири, в официальных документах он назывался *Ермаком*. Летописи (кроме «Нового летописца») сохраняют это имя героя; в них его наименования имеют свою закономерность: в начале повествования он называется *Ермаком Тимофеевым*⁷, или *Ермаком Тимофеевым сыном*⁸, или *Ермаком Тимофеевым сыном Поволским*⁹, т.е. дается его полное паспортное имя, а по ходу рассказа герой чаще всего именуется просто *Ермаком*. Любопытен в этом отношении Бузуновский список Есиповской летописи: в начале герой назван *Ермаком* и именуется так до тех пор, пока будто бы царь «не указал... впредь писать Сибирскому князю Ермаку Тимофеевичу Поволскому»¹⁰, и далее летописец уже уважительно именует героя: князь *Ер-*

¹ А.А. Введенский нелогичен. Он пишет: «Замены имен прозвищами известны во множестве по деловым на строгановских людей. Так, по деловой 1583 г., сентября 22 в числе дворовых ... имеется Ермак Морок, а по деловой 1583 г., сентября 25 тому же ... Строганову достался Ермак Езовицк (от езы – колья, которыми перерогаживали реку для задержки и вылавливания рыбы)» – Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М, 1962. С. 89. Очевидно, в цитируемых документах люди носят имя *Ермак* и прозвища: *Морок* и *Езовицк*.

² ГАПО, ф. 587, оп. 1, д. 10, л. 1, 2.

³ Буцинский Н.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С. 1.

⁴ См.: Соколов П.И. Русские имена и прозвища в XVII веке // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1891. Т. 9, вып. 1. С. 18.

⁵ См.: Моршкин М. Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен. СПб., 1867. С. 83.

⁶ См.: Буцинский Н.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. С. 108–109.

⁷ См. об этом: Строгановская летопись по спискам Спасского, Толстовскому, Афанасьевскому, Есиповская по Сычевскому и Погодинскому спискам.

⁸ См. об этом: Есиповская летопись по спискам Ундольного и Румянцевскому.

⁹ См. об этом: Есиповская летопись по Аввакумовскому, Коркуновскому спискам; Кунгурская летопись.

¹⁰ См.: Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 300.

мак, князь Ермак Тимофеевич, князь Ермак Тимофеевич Поволской. Как видим, и в сознании летописцев XVII – начала XVIII в. Ермак – имя, а не прозвище.

Если в письменной традиции и в казачьей среде, где были сослуживцы храброго атамана, сохранялось одно имя – Ермак, то среди казаков, работных людей, крестьян, где не было людей, лично знавших Ермака, не было, вероятно, и единого наименования героя. Так, имя героя не унифицировано в исторических песнях: По подсчетам Л.С. Шептаева, официальное имя Ермак с «изотчеством» наличествует только в 47 из 80 известных песенных вариантов¹. В остальных случаях герою даются такие имена: Ермак Тимофеевич, Ермак Тимофеевич, Ермак Тимофеевич, Ермак Тимофеевич². Причем исследователь заметил, что разнбой в наименовании покорителя Сибири имеется лишь в двух песнях – «Поход голытьбы под Казань» и «Разбойный поход на Волгу», во всех остальных имя героя унифицировано. Это положение Л.С. Шептаев объясняет тем, что песни «Поход голытьбы...» и «Разбойный поход» являются песнями «чисто волжского разбойничьего происхождения и наиболее ранними» – они появились в то время, когда имя покорителя Сибири Ермака Тимофеевича «либо не было еще широко известным, либо еще официально не уточнилось»³.

По мнению Б.Н. Путилова, разнбой в наименовании героя объясняется тем, что «в процессе длительного бытования песня получила различное конкретное приурочение»⁴.

К изложенным версиям можно добавить, на наш взгляд, следующее. Во-первых, что исторические песни отразили уже отмеченную нами нарицательность имени Ермак. В указанном сборнике Б.Н. Путилова и Б.М. Добровольского можно найти такие примеры:

Говорит ермак Степан сын Тимофеевич...

(№ 334)

Или:

Собирались ермаки во единый круг,
Атаманом был Ермак Тимофеевич,
Есаулом был ермак со Дунай-реки
Лосташка Лаврентий сын.

(№ 335)

Исполнителя не смущает, что атаманом ермаков был Ермак Тимофеевич, а есаулом – ермак Лосташка; здесь ермак является одновременно и собственным именем, и словом для обозначения вольных казаков.

Во-вторых, подсчеты Д.С. Шептаева, о которых мы уже упоминали, не совсем точны. В сборнике Б.Н. Путилова и Б.М. Добровольского к ермаковским отнесено 80 песен, из них в шести имя атамана вообще отсутствует, из оставшихся 74 текстов главный герой назван Ермаком или Ермаком Тимофеевичем в 55 песнях, остается 19 песен, где в имени атамана полный разнбой, он носит имена: Ермак Тимофеевич, Ермакушка, Ермак Тимофеевич (причем этот Ермак далее именуется Ермаком – см. № 314), Ермак Тимофеевич, Степанушка, Стенюшка, Степан Тимофеевич, Никитушка Романович, Микитушка Романович, Микитушка Тимофеевич, Матвеюшка Тимофеевич, Микита сын Иванович. И главное, этот разнбой наблюдается только в тех песнях, которые бытовали не в казачьей, а в крестьянской среде; эти песни записаны в Симбирской, Нижегородской, Казанской, Саратовской губерниях (см. №№ 308–316, 318–319, 322, 324 и др.).

¹ См.: Шептаев Л.С. Песни Разинского цикла и песни о Ермаке // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1966. Т. 309. С. 6.

² Там же. С. 7.

³ Там же.

⁴ Исторические песни XIII–XVI вв. / Изд. подготовили Б.Н. Путилов, Б.М. Добровольский. М.; Л., 1960. С. 677.

Среди волжских «разбойников» начиная со второй половины XVI в. было много знаменитых атаманов, «податаманьев», есаулов и т.п. Их имена донесли до нас фольклорные произведения, сибирские летописи, царские грамоты. Очевидно, что в XVIII в. в исторических песнях фигурировали и «простые» атаманы и есаулы, и «большой атаман», «большой есаул». Так, в сборнике К. Данилова: «втапоры ж подымались *атаманы казачие* (здесь и далее в цитатах курсив мой. – В.Б.) Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич, Анофрей Степанович», но «втапоры говорил им *большой атаман* Ермак Тимофеевич», «большой атаман Ермак Тимофеевич приказал», «*большой есаул* Стафей Лаврентьевич сказал...». А в XIX в. картина меняется. Народ уже не представлял четко состав, структуру былых «разбойничьих» группировок, их «командный состав»; в народном представлении волжские «разбойники» – это единое войско, единая дружная казачья семья, где только один атаман и один есаул, поэтому сохранившиеся в памяти имена «больших атаманов», «больших есаулов» и других лиц из числа «командиров» смешиваются. К имени Ермака Тимофеевича, за которым утверждалась слава покорителя Сибири, уже в XVII–XVIII вв. притягивались дела других «разбойников». Однако в Поволжье слово *ермак* употреблялось для обозначения «жернового ручного камня», поэтому *Ермак* хотя и изображается в песнях Поволжья как единственный предводитель волжских «разбойников», к его имени подбираются синонимы (*Ермолай*, *Ермил*). В то же время в числе его подчиненных оказываются все остальные «большие есаулы», атаманы: и реальные лица, такие, как Иван Кольцо, и неизвестные нам Самбур Андреевич, Анофрей Степанович, и люди совсем других эпох – Степан Разин, Ванька Каин, Иван Мазепа и даже Гришка Отрепьев.

Надо полагать, что в конце XVI – начале XVII в. имя *Ермак* имело оттенки прозвища, улавливаемые теми, кто пел и рассказывал о Ермаке. В то время покоритель Сибири в представлении народных масс был героем, который завершил окончательный разгром врагов Руси – татар, и этот разгром осмыслился народом как событие общенационального значения. Покоритель Сибири даже вводится в число основных богатырей русского былевого эпоса; это – честь, которой удостоивался далеко не каждый герой¹. В глазах масс Ермак – сибирский князь, народное воображение наделяет его чертами настоящего «мужицкого» царя, с его образом связываются самые возвышенные народные представления. И вдруг такая параллель, совершенно снижающая образ: *ермак* – «таган, мельничный жернов». Пристало ли сибирскому князю носить такое «не царское» имя? К тому же «имя Ермак в XVII веке употреблялось исключительно между казаками, посадскими людьми, крестьянами... и ни одного боярина, наместника, воеводы, головы и даже дьяка под этим именем неизвестно»². Конечно же, народ это отлично осознавал и, видимо поэтому, пытался заменить в своих сказаниях, песнях столь не благозвучное в то время имя покорителя Сибири антропонимическими синонимами.

Только исходя из этого обстоятельства можно, например, объяснить, почему С.У. Ремезов ввел в историю покорителя Сибири под именем *Герман* (и Н.М. Карамзин его поддержал). С.У. Ремизов и в Сибири, и в поездках по Уралу мог слышать в сказаниях, легендах, в разговорах такой вариант (*Герман* в просторечии *Ерман*), показавшийся ему наиболее подходящим для «велеречивого ротора».

¹ Сомнение на этот счет высказал С.Н. Азбелев – см.: *Азбелев С.Н.* Два Ермака в русском фольклоре // *Русская речь*. 1982. № 4. С. 119–121.

² *Кузнецов Е.* Сказания и догадки о христианском имени Ермака. Тобольск, 1890. С. 22.

В фольклорных произведениях мирское имя покорителя Сибири, вероятно, заменялось не только антропонимическими синонимами, но и другими именами, придумывались для Ермака Тимофеевича и фамилии. Ведь записывал же в XIX в. П.Н. Рыбников:

Появился к вам сибирский царь,
Сибирский царь Ермак Тимофеевич,
Ермак Тимофеевич Бургомиров¹.

Здесь речь идет о покорителе Сибири, хотя он и Бургомиров. Стихийный процесс переименования героя вызвал к жизни предание о Ермаке-кашеваре. Это предание позволило абсолютно всем рассказчикам, именовавшим покорителя Сибири не *Ермаком*, а как-нибудь иначе, доказать свою правоту. Совершенно очевидно, что любому рассказчику, прежде чем называть как-то покорителя Сибири, нужно было объяснить собеседникам, почему его прозвали *Ермаком*. Для объяснения бралась самая близкая, всем известная параллель: *ермак* – артельный таган, жернов – и рассказывалось, что в юности герой был кашеваром в артели, поэтому и получил такое прозвище, а на самом деле его звали *Ермил* (*Ермолай*, *Василий*...) и фамилия у него была *Бургомиров* (*Аленин*, *Бугреев*...). Истории известны по крайней мере три казачьих атамана Ермака, сотни крестьян, казаков, носивших такое имя, – ясно, что все они были так названы (или прозваны, в данном случае безразлично) не потому, что в отрочестве, юности были кашеварами. Конечно же, это предание XVII в. основано на вымысле.

Поскольку речь зашла о легендарном Ермаке-кашеваре, то вернемся к «Сказанию о происхождении Ермака». Автор «Сказания» был человеком эрудированным; ему не откажешь в наблюдательности, знании народной речи, народного творчества. Например, он отмечает значение слова *ермак* в Приуралье – «дорожной артельной таган» и «по вольскому наречию» – «жерновой ручной камень»; из ермаковских преданий своего времени он выбрал наиболее распространенный вариант – были и такие предания в XVII в., в которых атаман именовался *Ермаком*, а прозвищем объявлялось другое – *Токмак*, весьма близкое по звучанию и значению к *Ермак*. На это указывает Есиповская летопись по Погодинскому описку: «... прозвище ему было у казаков Токмак». *Токмак* означал «пестик для дробления зерен в ступке», т.е. предмет, связанный непосредственно с приготовлением продуктов. Такая параллель (*ермак* – *токмак*) не противоречила, а также подтверждала в устах рассказчиков «истинность» предания о Ермаке-кашеваре и сохранилась в рассказах стариков-уральцев до наших дней².

Разнобой в наименовании покорителя Сибири в фольклорных произведениях, видимо, во второй половине XVII века начал постепенно исчезать. Процесс унификации имени героя был длительным и продолжался в прозаических жанрах скорее всего до начала, а в песнях – до конца XVIII в. (вспомним замечание Г.Ф. Миллера, Н.А. Радищева). Фальк в 1786 г. назвал покорителя Сибири Тимофеем, никак это не объяснив; может быть, он слышал нечто подобное во время своего путешествия; но уже ни у одного автора XIX в. мы не найдем записи или пересказа предания, где бы герой именовался не *Ермаком*, а как-то иначе. Зато песни с их закреплённостью текста сохранили разнобой в наименовании героя вплоть до XX в. и послужили для некоторых историков источником аргументации в пользу *Ермолая* или *Ермила*.

Унификации имени Ермака в значительной степени способствовала церковь. В конце 30-х гг. XVII в. провозглашение «вечной памяти» Ермаку стало особым обрядом

¹ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. М., 1910. Т. 2. С. 720.

² Дергачева-Скоп Е.И. Указ. соч. С. 113, 149.

поминовения в неделю православия. К этому времени, судя по песням, преданиям, существовала масса наименований героя, кроме того, бытовало предание, объясняющее, что *Ермак* – прозвище. Церковнослужители, вероятно, сочли неудобным провозглашение памяти по всей сибирской епархии «жерновому камню», «тагану». Но и произвольно называть покорителя Сибири не было смысла. Поэтому был взят один из самых распространенных антропонимических синонимов – *Ермолай*. При Нектарии (он был сибирским архиепископом до 1640 г.), а затем и при Герасиме скорее всего и шло поправление синодиков, в которых *Ермак* становился *Ермолаем*. При этом в синодиках не только исправлялось имя атамана, но вносились и новые имена, производилась их перегруппировка и т.п. Позже, в XIX в., это вынуждены были констатировать те же церковнослужители, например епископ Мелетий, сличавший старый синодик Нерчинско-Успенской монастырской церкви с другими сибирскими синодиками¹. Следовательно, все синодики, называющие Ермака *Ермолаем*, по документальности стоят рядом с фольклорными произведениями.

Замена мирского имени покорителя Сибири христианским в фольклорных произведениях была связана с идеализацией образа храброго атамана и явилась своеобразным показателем отношения широких масс к Ермаку, поднятому на пьедестал национального героя.

Связь с действительностью всех фольклорных произведений, изменявших имя героя, в том числе и предания о Ермаке-кашеваре, проявилась в отражении эволюции эстетических вкусов народа – уже в начале XVII в. мирские имена давались только простым крестьянам и работным людям², и то редко, покоритель же Сибири в представлении народных масс был выдающейся личностью, которой не пристало носить такое имя.

«Сказание о происхождении Ермака» – это скорее всего одно из письменно оформленных народных сказаний первой половины XVII в., когда создавалась поэтическая биография покорителя Сибири. Фольклоризм «Сказания» очевиден. Наименование *Василий Тимофеевич Аленин* – один из вариантов, который в фольклоре широкого распространения не получил. Поэтому кажется странным утверждение одного из защитников документальности анализируемого «Сказания» А. Воронихина: «В многочисленных уральских сказах и легендах (курсив мой. – В.Б.) Ермака называют Василием Тимофеевичем Алениным»³. А. Воронихин приводит единственный пример – сказ П.П. Бажова «Ермаковы лебеди», других же примеров нет ни в полном, ни в сокращенном вариантах его работы, ибо подобных «многочисленных» сказов в уральском фольклоре просто не существует⁴. Если П.П. Бажов назвал своего героя В.Т. Алениным, то это еще мало что

¹ *Мелетий*, епископ. Подлинное христианское имя покорителя Сибири Ермака Тимофеевича // Иркутские епархиальные ведомости. 1883, № 37 (прибавления). Показательно, что сам Мелетий называет имя *Ермак* «вульгарным». Вероятно, таким же «вульгарным» считали его и церковные деятели XVII в.

² Кроме указанного наблюдения Е. Кузнецова, сошлемся еще на мнение А.И. Соколова. См.: *Соколов А.И.* Русские имена и прозвища в XVII веке // Изв. общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1891. Т. 9, вып. 1. С. 3.

³ *Воронихин А. К биографии Ермака* // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 99; см. также: *Он же.* Ермак Тимофеевич – Василий Тимофеевич Аленин // Прикамье. 1941. № 3.

⁴ Своим необоснованным утверждением, будто на Урале бытуют легенды о В.Т. Аленине, А. Воронихин ввел в заблуждение не только краеведов и авторов популярных брошюр, справочников для туристов и т.п., но и ученых. Исследователи, ознакомившись со статьями А. Воронихина, стали считать, что «уральские устные рассказы и предания называют его (Ермака. – В.Б.) Василием Тимофеевичем Алениным» – см.: *Александрова Е.А.* К вопросу о методике анализа методических песен. // Уч. зап. Даугавпилс. пед. ин-та. 1959. Вып. 3. С. 102; «В многочисленных уральских сказах и легендах Ермака называют В.Т. Алениным» – см.: *Кондратьева Т.Н.* Указ. соч. С. 21.

значит: о Ермаке написаны сотни рассказов, повестей, романов, стихотворений, поэм, литературных сказов¹; погрузившись в это море беллетристики, можно выискать какой угодно пример. Но если даже допустить, что П.П. Бажов слышал еще в детстве где-нибудь в Сысерти, Полевском, Екатеринбурге предания, в которых Ермак именовался Василием, то можно ли утверждать, что покорителя Сибири действительно звали В.Т. Алениным? Думается, нет. Это один из вариантов. Разнобой в наименовании покорителя Сибири существовал уже в первые десятилетия XVII в., затем постепенно исчезал, но так и не исчез до конца XIX в. – ведь во второй половине XIX в. П.Н. Рыбников записывал песню, в которой Ермак – *Бургомиров*. Запись П.Н. Рыбникова сделана именно от уральцев – крестьян Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Очевидно, что Ермак такой же *Аленин*, как и *Бургомиров*.

«Сказание о происхождении Ермака» обладает такой же достоверностью, как исторические песни, народные предания. Другого вывода при современном состоянии документальных материалов о Ермаке, его происхождении, видимо, не следует делать.

В.В. Эйдинова

СТИЛЕВАЯ ФУНКЦИЯ ИМЕНИ В ПРОЗЕ XX В.

(Л. Добычин. Рассказы рубежа 1920–1930-х гг.)

Не могу не начать эту статью, тема которой – *имя*, – с очень личного, внутреннего слова, слова-признания, обращенного к одному из самых редкостных, поражающих своей единственностью и «особостью», писателей XX в., – к Леониду Ивановичу Добычину. Решаюсь на этот непривычный и, наверное, дерзкий (для жанра статьи) шаг только потому, что безмерно ценю это *имя* – имя бесстрашного человека и совершеннейшего художника². Сегодня, когда проза Добычина наконец возвратилась в наше время, когда к его текстам обращаются многие и многие русские и зарубежные исследователи, – Добычин-Автор, Добычин-Создатель как бы «сопротивляется» таким высоким оценкам своего творчества, как «талантливое», «самобытное», «глубокое»..., – при всей их объективности и заслуженности. Сама его личность (не только «литературная», «исполненная», но и биографическая, реальная, в большой мере соприродная первой) отторгает все трафаретное, много раз сказанное и «проигранное», *существая где-то в стороне* от общепринятых и не однажды звучавших определений и характеристик. Поэтому, может быть, чуть более приближенным к его художническому и человеческому «я» оказывается как раз то слово, что говорит о его духовном и писательском даре – неявно и непрямо. Слово, не пытающееся квалифицировать его эстетические возможности, но *вникающее* в непростые очертания его творческого лица: открытого – и зашифрованного, простого – и изощренного, влекущего – и пугающего. Лица, в чем строе и смысловом наполнении зримо видится его стилевая определенность³. Художественное «я» Добычина настолько

¹ См. библиографию: Кузнецов Е. Биография Ермака. Тобольск, 1891.

² Л.И. Добычин во всех случаях подписывался как «Л. Добычин». Нарушаю его волю, стремясь и этой малостью выразить свое восхищение его удивительной – человеческой и писательской – природой.

³ Стиль Л. Добычина, на наш взгляд, наиболее интенсивно проявляется в его рассказах, и в частности в тех, что были изданы в сборнике «Встречи с Лиз» (1927).